

ВАСИЛИЙ ГРОССМАН: ЖИЗНЬ И СУДЬБА

София Ястребнер

В судьбе нет случайностей; человек скорее создаёт, нежели встречает свою судьбу.

Лев Толстой.

1. Вася из Бердичева. Вхождение в литературу

Василий Семёнович Гроссман оставил нам многотомное наследие. Не всё ещё знакомо широкому читателю. С самого начала литературной деятельности он – успешный писатель, создавший до 1941 года более двадцати повестей и рассказов, два романа – «Степан Кольчугин» и «За правое дело». В них он проявил себя как стопроцентный советский писатель.

Самое значительное его произведение, сделавшее Гроссмана классиком, – это роман-эпопея «Жизнь и судьба» [1].

Жизнь и судьба самого писателя тесно связана с его книгой.

Как же случилось, что именно Гроссман стал первым диссидентом в советской литературе?

Как сложились жизнь и творческая биография писателя?

Василий Семёнович Гроссман родился в городе Бердичеве, на Украине, 12 декабря 1905 г. Бердичев жил местечковой жизнью. Его называли еврейской столицей, т.к. большинство населения были евреи, и погромов там не было.

Его звали *Иосиф Соломонович*, и в семье мальчика звали *Иося*, а русская няня переделала на Васю. Имя прижилось, и родные тоже стали называть его Васей. Так впоследствии родился литературный псевдоним. Родители к еврейству мальчика не приобщали, он знал только несколько еврейских слов, слышанных на улице. Отец был инженером-химиком, мать преподавала французский. Семья два года жила в Швейцарии. Мальчик в совершенстве владел французским языком. Вася мечтал стать таким же инженером-химиком, как его отец [2].

В 1929 году В. Гроссман окончил Первый Московский университет по специальности *инженер-химик* и начал работать на шахте в Макеевке. В 1932 году Василий заболел туберкулёзом. Врачи рекомендовали поменять климат. Он возвратился в Москву, стал работать на карандашной фабрике помощником главного инженера.

В апреле 1934 года в «Литературной газете» был опубликован рассказ Гроссмана «В городе Бердичеве». В одну ночь рассказ сделал его знаменитым. Горький прочитал рассказ и пригласил автора к себе в Горки. Эта встреча определила дальнейший жизненный путь Гроссмана. Горький посоветовал ему полностью посвятить себя литературному труду. И уже в 1936 году Василий Гроссман опубликовал два сборника рассказов. А в 1937 году он был принят в Союз писателей [2].

Семён Липкин, известный поэт и переводчик, подружившийся с Гроссманом в эти годы, в очерке о своем друге написал: «Когда мы с Гроссманом познакомились, я чувствовал, что он счастлив. Высокий, кудрявый, черноволосый и синеглазый, Гроссман нравился женщинам». Его рассказы тоже нравились и критикам, и читателям. Его друг Липкин говорит [2], что в своё время, когда он был счастлив, то был весёлым, общительным и очень благородным человеком. В его жизни много таких поступков, которые свидетельствуют о высочайшем благородстве. До войны он дружил с критиком Роскиным. В первые дни войны Роскин ушёл в ополчение и пропал без вести в боях под

Москвой. Его 14-летняя дочь Наташа осталась совершенно одна (мать умерла ещё раньше). Гроссман, единственный из друзей Роскина, разыскал её и опекал.

На фронте он никогда не охотился за трофеями [2]. Три года ходил в изодранной, грязной, залитой бензином шинели – он стеснялся попросить себе новую шинель, в то время как другие, не видевшие фронта, одевались в генеральской мастерской.

Когда Пастернак подвергался остракизму, Гроссман написал ему письмо, выражая свою симпатию и моральную поддержку.

Правда, с теми, кого презирал, мог быть колючим, резким. Многих задевало именно его благородство. Планка эта была настолько высока, что не всем было дано дотянуться до неё [2].

2. Гроссман – военкор

В жизни советского общества было немало тяжелейших моментов, но 30-е годы – это чёрные страницы истории страны: коллективизация, судебные процессы 37-го года, расстрелы без суда и следствия, сталинские концлагеря... Этот кошмар коснулся и Гроссмана. Начинаящий писатель был пригрит литературной группой «Перевал». В тридцать седьмом группа была уничтожена, многие её члены расстреляны, в том числе и друг Василия – Губер [2].

Арестовали также бывшую жену Губера – Ольгу, которая к тому времени была уже женой Гроссмана. В тот же вечер он забрал к себе детей Губеров, двух мальчиков, и немедленно стал бороться за освобождение жены – и вытащил её из тюрьмы.

Начавшаяся война, как ни странно, была счастливой передышкой в аду сталинских репрессий.

В предвоенной прозе, даже в самых светлых рассказах, создается ощущение страха и скованности, недосказанности.

На фронт он мог не идти: был освобождён от военной обязанности из-за туберкулёза [2].

Выглядел он как-то не по-военному: и гимнастёрка в морщинах, и очки, сползавшие к кончику носа, и пистолет, висевший топором на незатянутом ремне.

Он стал корреспондентом газеты «Красная звезда». Редактор газеты, Давид Ортенберг, побоялся вначале отпускать его на фронт. Но писатель наотрез отказался писать очерки о том, чего не видел, и лез в самую гущу войны [2].

Блеск и сила его фронтовых очерков были столь очевидны, что Сталин, откровенно не любивший Гроссмана и до войны собственноручно вычеркнувший его из списка претендентов на Сталинскую премию, отдал распоряжение перепечатать в газету «Правда» статью Гроссмана «Направление главного удара» [2]. Узнав об этом, Илья Эренбург сказал автору: «Теперь Вы можете получить всё, о чём попросите». Но Василий привычки просить не имел [2].

Позже слова из этого очерка были высечены на Площади Героев в Сталинграде (Мамаев Курган):

Железный ветер бил им в лицо,
А они всё шли вперёд.
И снова чувство суеверного страха
охватывало противника:
Люди ли шли в атаку,
смертны ли они?

А статья Гроссмана «Треблинский ад» распространялась отдельной брошюрой в качестве документа обвинения на Нюрнбергском процессе.

Гроссман был уверен, что погибнет на войне, но оказался счастливым: граната, брошенная ему в ноги, не взорвалась.

За тысячу дней, что он провёл в самых страшных сражениях – в Сталинграде и на Курской дуге – он ни разу не был даже ранен.

Блистательные корреспонденции Гроссмана в «Красной звезде» с жадностью читала вся страна. Когда из Ставки звонили в редакцию и приказывали прислать Гроссмана, это означало, что ожидается серьёзная операция.

С фронта он пишет запросы о судьбе матери, надеясь, что ей удалось эвакуироваться. Но, войдя в освобождённый Бердичев, он узнаёт, что Екатерина Савельевна, ходившая на костылях из-за туберкулёза кости, была расстреляна вместе с тридцатью тысячами евреев города. И вот здесь начинается Голгофа Гроссмана. В каждом освобождённом на Украине городе он видит едва засыпанные рвы, заполненные еврейскими телами. Казня себя, что не сумел вывезти мать перед приходом немцев, Гроссман носит с собой фото, конфискованное у эсэсовского офицера: гигантский ров, доверху забитый обнаженными телами маленьких еврейских девочек и женщин [4].

Вместе с войсками он входит в Треблинку, Майданек, Собибор. Мужество художника – в том, чтобы не отвести глаз. С обливающимся кровью сердцем он пишет, пишет... Выходят его документальные очерки: «Украина без евреев», «Убийство евреев города Бердичева», напечатан «Треблинский ад» – самые сильные из произведений о Холокосте, где голос Гроссмана достигает Библейского звучания с его вопросом-воплем: «Каин, где все эти люди, что ты привёл сюда?!».

Вместе с Эренбургом и группой еврейских писателей Гроссман становится членом Еврейского антифашистского комитета, возглавляемого Михоэлсом. С американской стороны в работе комитета принимали участие Альберт Эйнштейн и Лион Фейхтвангер [5].

Между тем, корреспонденции Гроссмана переводятся на английский, печатаются и передаются по радио из Лондона и Нью-Йорка. Уже тогда писатель сталкивается с мерзкой игрой сталинской цензуры: тексты, что ему позволяют отправлять на Запад, не разрешены к печати внутри страны [4].

Все четыре года войны Гроссман – фронтовой корреспондент «Красной звезды». В написанной вскоре после победы статье он вспоминал: «Мне пришлось видеть развалины Сталинграда, разбитый немецкой артиллерией первенец пятилетки – Сталинградский тракторный завод. Я видел развалины и пепел Гомеля, Чернигова, Минска и Воронежа, взорванные копры донецких шахт, подорванные домны, разрушенный Крещатик, чёрный дым над Одессой, обращённую в прах Варшаву и развалины харьковских улиц. Я видел горящий Орёл и разрушение Курска. Видел взорванные памятники, музеи и заповедные здания, видел разорённую Ясную Поляну и испепелённую Вязьму».

Здесь названо ещё не всё – Гроссман видел форсирование Днепра, и чудовищный лагерь уничтожения – Треблинку, и агонию Берлина [2].

Первую в русской литературе повесть о войне – «Народ бессмертен» – написал Гроссман. Она печаталась в «Красной звезде» в июле-августе 1942 года [5].

Особая глава фронтовой биографии писателя – Сталинградская эпопея; он был с первого до последнего дня её очевидцем. Сохранившиеся записные книжки свидетельствуют, что Гроссман не раз бывал во многих вошедших в историю боёв за Сталинград: на Мамаевом кургане и на Тракторном, на «Баррикадах» и на СтальГРЭСе. На командном пункте генерал-лейтенанта Чуйкова и в дивизиях. Встречался с прославленными военачальниками и оставшимися безвестными офицерами и солдатами, видел их в деле. Его Сталинградские очерки зачитывали до дыр (об этом свидетельствовал также знаменитый сталинградец Виктор Некрасов). А статья «Треблинский ад» распространялась отдельной брошюрой [2].

Военные очерки и статьи сделали Гроссмана невероятно популярным и среди фронтовиков, и в тылу. Вместе с тем, война перевернула жизнь советского писателя Василия Гроссмана.

3. Еврейская судьба русского писателя

Гибель матери в Бердичевском гетто, катастрофа европейского еврейства заставила его впервые с трагической, возможно, неожиданной для него самого, остротой осознать свою принадлежность народу, из которого он вышел. По этому поводу хорошо сказал польский поэт Юлиан Тувим в статье «Мы, польские евреи»: «Не та кровь соединяет, что льётся в жилах, а та, что льётся из жил».

Неудивительно, что после войны он стал одной из первых жертв борьбы партии за идейную чистоту советской литературы. Началось всё с доклада Жданова и постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» [2].

Ждановщина не пощадила и Гроссмана. Его пьеса «Если верить пифагорейцам», написанная до войны и напечатанная в 1946 году, была раскритикована в печати, объявлена апологией пессимизма и идеализма.

К тому же в печати и в выступлениях зазвучали антисемитские нотки, последовало закрытие Еврейского антифашистского комитета и еврейского издательства «Дер Эмес», где была готова к печати «Чёрная книга» о гибели советского и европейского еврейства. Составителями книги были Гроссман и Эренбург. Книга была уничтожена – два тома. Рукопись была передана в США и Палестину [4].

В Америке были изданы на английском языке отдельные главы. В полном виде книга вышла в 1980 году в Израиле и в России, и в 1981 году – в Киеве (около 700 страниц в жёстком переплёте).

В это время Гроссман закончил роман «За правое дело», который был опубликован в №№ 7-10 «Нового мира» за 1952 год. Книга могла рассчитывать на Сталинскую премию – настолько она проникнута любовью к социалистическому отечеству [2,3,5].

Но 13 января сообщается о раскрытии заговора еврейских врачей-убийц. Вполне логично, что ровно через месяц, 13 февраля, в центральной партийной газете «Правда» была опубликована статья бездарного писателя Мих. Бубенного, уничтожавшая Гроссмана и его роман. Затем в журнале «Коммунист» появилась публикация под названием «Роман, искажающий образы советских людей». Тон статей был таков, что Гроссман стал опасаться ареста и постарался на время исчезнуть от погромщиков. Конец зимы и начало весны он провёл в Подмосковье, на даче своего друга Семёна Липкина [2,5].

Шельмование писателя закончилось со смертью Сталина, после чего его роман вышел в Воениздате в 1956 году, и «Советский писатель» выпустил книгу, в которой автор восстановил полный текст. В конце было отмечено: «Конец первой книги».

4. Роман-эпопея «Жизнь и судьба» – вершина творчества Гроссмана

Сразу же после окончания первой книги романа «За правое дело» Гроссман начал работу над второй частью книги, и это был новый роман – «Жизнь и судьба» – самое значительное произведение писателя, в идейном плане не имеющее ничего общего с первой частью. Этот роман, эпопея жизни нашей страны, сделал Гроссмана классиком [6].

Главное для писателя – это правда жизни, достоверность фактов, что в то время могло привести к трагедии, что и случилось на самом деле.

4.1. Правда жизни в романе

В центре романа – жизнь и судьба большой семьи Шапошниковых. Критики считали, и Гроссман не отрицал, что построение романа переключается с произведением Льва Толстого «Война и мир». Это широкий охват событий, особенно история и трагедия семьи. Прототипами главного героя и членов семьи являются сам автор и его близкие. Все они оказались жертвами тоталитарного режима. Их личные трагедии происходят на фоне событий, совершающихся в стране и мире.

В советской литературе ещё не было такого реалистического произведения. Уничтожение крестьянства (коллективизация), высылка крестьян в глухие районы Сибири. Ужасные условия жизни: голод, болезни, смерти. Судебные процессы 37-го года, расстрелы без суда и следствия, сталинские концлагеря и многое другое на фоне видимого благополучия при бесстыдной советской пропаганде, воспитывавшей двоедушие в людях и породившей необходимый власти конформизм [3].

Писатель раскрывает механизм доносительства и атмосферу страха, который пронизывал все поры жизни снизу и до самых верхних структур власти.

В лагере сочинили четверостишие, которое приводится в романе [1, с. 439]:

Из чего твой панцирь, черепаха?
– я спросил и получил ответ:
Он из мной накопленного страха,
ничего прочнее в мире нет.

4.2. Идентичность двух тоталитарных режимов

Но что ещё более важно – Гроссман показал то, чего не посмел сделать ни один писатель: он показал идентичность двух тоталитарных режимов – гитлеровского национал-социализма и коммунистического режима Ленина-Сталина.

В немецком концлагере штурмбанфюрер Лисс беседует со старым ленинцем – большевиком Мостовским. Лисс говорит, что когда они смотрят друг другу в лицо, это значит – они смотрят в зеркало. В этом – трагедия эпохи. Он говорит: «Вам кажется, Вы ненавидите нас, но это кажется: вы ненавидите самих себя в нас... Наши танки прорвали не только вашу границу, но и нашу, гусеницы наших танков давят немецкий национал-социализм. Это может трагически кончиться для нас... Если мы победим! Мы, победители, останемся без вас, одни против чужого мира, который нас ненавидит...»

Лисс продолжал:

Два полюса! Конечно, так!.. Подумайте! Кто в наших лагерях, если нет войны, если нет в них военнопленных? В наших лагерях, если нет войны, сидят враги партии, враги народа. Знакомые вам люди, они сидят и в ваших лагерях... Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмёте себе наш опыт...

И вот меня мучит: ваш террор убил миллионы людей, и только мы, немцы, во всём мире понимали: так надо... На нас сегодня смотрят с ужасом, а на вас – с любовью и надеждой?... Нас ненавидят, а на ваш Сталинград смотрит с надеждой человечество?... Чепуха! Пропasti нет! Её выдумали. Мы – форма единой сущности – партийного государства... Вы, как и мы, знаете: национализм – главная сила 20-го века... Национализм – душа эпохи. Социализм в одной стране – высшее выражение национализма!.. Я не вижу причины нашей вражды... на земле есть два великих революционера: Сталин и наш вождь. Их воля родила национальный социализм государства. Ленин создал партию нового типа... Потом Сталин многому нас научил!» [1, с. 270 – 274].

Поразительно, как Гроссман сумел проникнуть в психологию двух монстров – Сталина и Гитлера – и дать глубокую характеристику идеологии фашизма и коммунизма. И обладать мужеством открыто об этом сказать!

Мостовской слушал Лисса – и сомнения закрадывались в душу: что же это? Нужно отказаться от всего, чем жил всю жизнь? Всей силой души ненавидеть лагерь, Лубянку, кровавого Ежова, Ягоду, Берия, но мало – Сталина, его диктатуру!

Между тем, в этом лагере строят газовую камеру для уничтожения людей. Строят лагерники, и только толстовец Иконников отказывается участвовать в этом. Его расстреливают, но остаются его записки – целый трактат о добре и зле. Он приходит к выводу, что существует частная доброта, без свидетелей, без мысли – это и есть человеческое в человеке. Зло бессильно в борьбе с человеком.

По мнению самого автора, свобода и доброта – главные ценности в мире.

4.3. Сталинградское сражение – вершинный момент великой войны. Дом 6/1 – Дом Павлова.

Особое место занимает военная тема и, прежде всего, – Сталинградская эпопея, вершинный момент, когда решалась судьба не только Советского Союза, но и всего мира. Сталинград – это переломный момент от самого тяжкого поражения Красной Армии, отступившей до Волги, до самой убедительной победы государства, одолевшего фашистов в пору их блестящих побед. Это решающий поворот, определивший судьбы мира, это гибель нацизма, надежда на великие перемены, на то, что сбудется мечта о свободной жизни. В книге есть характерный момент: в противогазе убитого солдата была найдена записка: «Я иду воевать за свободную, счастливую жизнь. Дома остались жена и шестеро детей».

В романе писатель дал широкую панораму одного из величайших сражений века, участником которого он был. Автор увидел эту битву не только глазами полководцев или спецкоров, но и глазами солдат в окопах.

Всем нам памятен Дом Павлова. К нему было приковано внимание всего мира. В книге это дом 6/1. Простые советские солдаты и офицеры в час смертельной опасности в глазах окружающего мира вырастают в эпических героев. Дом окружён немцами, обитатели его обречены, но они отчаянно сражаются за последний крохотный кусочек своей Родины, за этот дом, который находится на оси вражеского удара.

В романе многие персонажи мастерски выписаны, но есть совершенно уникальные герои, которых родило время и которых мы не встретим ни в каком другом художественном произведении. Это, прежде всего, капитан Греков – яркая своеобразная личность, превосходный командир, отчаянный храбрец, умница и патриот. Образ этот очень жизненный. Это большая художественная удача писателя. Информатор доносил, что в доме все боятся командира Грекова, зовут управдомом, говорят ему «ты», называют «Ваней», а он с бойцами как ровня, лежит с ними вповалку и пользуется непререкаемым авторитетом.

Во время вражеского авианалёта лейтенант Батраков, учитель математики, сидит над обрывом лестничной клетки и спокойно читает книжку. Греков произносит замечательную фразу: «Нет уж, ни хрена немцы не добьются. Ну что они с таким дураком сделают?»[1, с. 170].

Отсюда можно было бы уйти по подземному ходу, но никто не уходит. Мало того, самый молодой среди них, Серёжа Шапошников, отправлен в штаб дивизии с донесением. Он ждёт разрешения вернуться, но, не дождавшись никаких указаний, возвращается в дом. И острый на словцо Греков произносит: «Правильно, дезертировал к нам на тот свет».

Но вот в доме появляется радистка Катя. Солдаты цинично, грубо говорят о её внешности, рассуждают, кому достанется, – конечно, Грекову. А Греков диктует Кате донесение, ему действительно хочется обнять её, ощутить тепло её тела... Но однажды он видел, как Серёжа и Катя спали обнявшись. Он приказывает Серёже отправиться в штаб полка, дарит ему жизнь, и Серёжа думает: «Изгнание из рая, как крепостных, разлучает». Он смотрит на Грекова с ненавистью, его взгляд кажется Серёже отвратительным, безжалостным, наглым. Но Греков неожиданно говорит: «С тобой пойдёт радистка, доведёшь её до штаба». И вдруг Серёжа увидел, что смотрят на него прекрасные, человеческие, умные и грустные глаза, каких он никогда не видел в жизни. Греков спасает влюблённых, обречённых на смерть.

Есть ещё вроде бы незначительный эпизод, говорящий не только о величии духа этих героев, но и о том, что даже на краю гибели они остаются человеческими людьми. Один из бойцов извлёк из-под развалин полумёртвого котёнка, принёс его в кармане. Катя выхаживает, обогревает и кормит его, правда, безуспешно [1, с. 285].

Уже оборвалась связь с ними, уже близится гибель дома со всеми сражающимися обитателями, но комиссар полка Крымов обеспокоен донесениями информатора, что Греков говорит бойцам всякую ересь, что это не подразделение, а какая-то партизанщина.

И убеждённый коммунист Крымов пробирается в дом 6/1; происходит столкновение ортодокса Крымова с еретиком Грековым.

Добропорядочный Крымов пишет донос на Грекова, т.к. видит в нём идейного врага, и на него заводится дело на уровне Политуправления армии. Его фамилия вычёркивается из списка представленных на звание Героя Советского Союза.

Однако, какой парадокс! Защитники дома во главе с командиром Грековым сражаются до конца и погибают как герои. А подлые карьеристы съели Крымова, и он, честный коминтерновец, участник гражданской и Отечественной войн, погибает бессмысленной, мучительной смертью в застенке. И вот ещё в чём заключается трагедия: когда подполковник-особист зверски избивает его, до сознания Крымова доходит, что они в чём-то похожи.

И ещё удивительный парадокс: именно в Сталинграде, пишет Е. Эткинд [4], оба режима, казавшиеся противоположными, окончательно уподобились друг другу. Отсюда – не раз подчёркивается Гроссманом – двойственность Сталинграда: в триумфе советского оружия кроются и величие, и ужас. Величие – потому что победа под Сталинградом была триумфом народа. Ужас – потому что победа народа оказалась триумфом Сталина и его имперского режима. Это была катастрофа не только побеждённых, но и победителей. После Сталинграда важнейшей чертой советского тоталитарного режима стали расизм и антисемитизм.

«Жизнь и судьба» – высокохудожественное произведение. Всё, о чём пишет Гроссман, близко нам, потому что это взято из жизни. Многие эпизоды описаны так, что мы чувствуем себя участниками этих событий. Есть в книге пронзительные страницы, которые без волнения невозможно читать. Я уж не говорю об описании дома 6/1. В доме Павлова автор был и многое видел. Но что можно сказать о мастерстве и воображении писателя, когда он описывает советские и фашистские лагеря смерти? Он сам не был там, его не отправляли в газовую камеру, но ад этот отозвался в его сердце. Поражает сила художественного слова, когда мы читаем подробное описание эшелонов с обречёнными на смерть евреями.

В числе многих эпизодов Гроссман рассказывает о Софье Осиповне Левинтон. Это удивительный рассказ. Одинокая женщина, не знавшая материнства, она пригрела мальчика Давида, родителей которого убили, а он, беззащитный ребёнок, остался один в этом жестоком мире. Софья Осиповна идёт с ним в газовую камеру, прижимает его к себе. Желание поддержать ребёнка делает её сильной. И когда лёгкое тельце повисает у неё на руке, в душе вдруг возникает ощущение: «Я стала матерью».

Другая пронзительная сцена: Людмила Николаевна Штрум на могиле сына Толи, который скончался в госпитале от ран. Она не может поверить, что сына уже нет, накрывает могильный холмик платком, чтоб ногам теплее было, разговаривает с ним.

У самого Гроссмана была незаживающая рана: чувство вины перед матерью, которая погибла вместе с тридцатью тысячами бердичевских евреев. Эта боль нашла отражение в романе.

Виктор Штрум получает от своей матери последнее предсмертное письмо, и это было действительно так в жизни писателя. Читать эти страницы без слёз невозможно. Их следует причислить к лучшим страницам книги. Сам Гроссман до конца жизни писал письма своей мёртвой матери. В кармане пиджака он носил два своих письма и две фотографии: на одной – он, маленький, – с мамой, на другой – глубокий ров, наполненный доверху телами женщин и девочек.

4.4. «Меня задушили в подворотне»

К концу 1959 года роман «Жизнь и судьба» был, в основном, окончен. В письме другу он написал: «Я не переживаю радости, подъема, волнений. Но чувство... смутное, тревожное, озабоченное... Прав ли я? Это первое, главное. Прав ли перед людьми, а значит, и перед Богом? А дальше уже второе, писательское – справился ли я?» [2, с. 554].

Из-под пера Гроссмана вышла правда о жизни людей и мира, не сообразуясь с доводами рассудка, осторожности, инстинкта самосохранения.

Похоже, в глубине души он сознавал, что судьба романа предрешена. Он отнёс рукопись в журнал «Знамя». Главный редактор журнала, Кожевников, прочитав рукопись, переслал её на Лубянку.

Даже Фаддей Булгарин не пересылал Бенкендорфу рукописей, казавшихся ему крамольными, напротив, он их берёт, как «Горе от ума» или стихи Рылеева.

В один из осенних вечеров Ек. Заболоцкая и С. Липкин в один голос посоветовали сохранить экземпляр романа в безопасном месте. Хмурясь, Гроссман молча отдал Семёну Липкину рукопись. Уже после смерти Василия Семёновича стало известно, что тогда же он отдал ещё один экземпляр своему институтскому другу Вячеславу Лободе [2].

В феврале 1961 года в квартиру явились «нехорошие люди», как назвала их домработница Наташа, и к концу дня у автора были изъяты машинописные экземпляры рукописи, все черновики и эскизы. Интересно, что повесть «Всё течёт...», уже вчерне написанная Гроссманом, визитёров не заинтересовала [2].

Борис Ямпольский, журналист и критик, в работе «Последняя встреча с Василием Гроссманом» [7] рассказывает, как он, преодолев страх, зашёл к нему после изъятия рукописи. Василий ему сказал: «Меня задушили в подворотне». Ему оставалось жить всего лишь чуть больше трёх лет.

Арест романа – наивысшая оценка государственной власти, какую может заслужить художественное произведение. Своей достоверностью роман вызвал у власти страх.

Гроссмана перестают печатать. В самом расцвете творческих сил писатель лишён голоса.

Он мог только повторить печальные слова уничтоженного Бабеля: «Я освоил новый литературный жанр – молчание» [2].

Он пытается спасти роман, пишет письмо Хрущёву, в котором просит свободы своей книге, говорит, что отобрать роман у писателя – всё равно, что отобрать ребёнка у отца. После этого Гроссмана принял Сулов, который сказал, что о возвращении романа не стоит и думать и что эту «вредную» книгу не напечатают раньше, чем через 200-300 лет. Тем не менее, серый кардинал ещё был жив, когда роман увидел свет [2].

Был ещё один момент унижения Гроссмана, когда его вместе с другими видными деятелями-евреями заставили подписать письмо Сталину о выселении евреев в

отдалённые районы Сибири. Он не мог до конца жизни простить себе этого малодушия. Не случайно такая же ситуация происходит в жизни одного из героев романа – Виктора Штрума [2, 6].

Василий Гроссман посвятил роман памяти своей матери. Но он замыслил роман не только как мемориал убитой матери. Судьба сделала его свидетелем и жертвой страшных злодеяний двух режимов – гитлеровского и сталинского. Увидевший идентичность двух монстров талантливый писатель, чувствовавший свою ответственность перед народом, Василий Гроссман не мог не сказать об этом. Недаром Паустовский назвал его камертоном совести Союза советских писателей [4]. А его лучший друг Андрей Платонов сказал однажды: «Ты, Вася, Христос!».

Непонятно только, как мог он, пройдя через все унижения и удары судьбы, понадеяться, что книга в «новые» хрущёвские времена может быть напечатана. Шостакович по этому поводу язвительно заметил: «Времена-то новые, стукачи старые!» [2]. Неужели Гроссман поверил в гуманизацию гиен? Или не читал он своих собственных книг?

4.5. «Рукописи не горят»

И всё-таки рукопись была спасена. Он не дал придушить себя в гебистской «подворотне».

Вопреки повальным обыскам, у друзей и редакторов остались отдельные главы и черновики. Последующая история спасения и воскрешения романа «Жизнь и судьба» похожа на детектив. Даже тот, кто никогда не интересовался творчеством Гроссмана, по всей вероятности, слышал о том, как семья Вячеслава Ивановича Лободы хранила черновой вариант в авоське, и о том, как, запершись в ванной своей квартиры, Андрей Дмитриевич Сахаров перефотографировал беловик романа, сохранённый Семеном Липкиным. И о том, как Владимир Войнович тайно вывозил плёнки на Запад [5]. Такие же смелые, бесстрашные люди, как и сам Гроссман, помогли свершиться, по словам Липкина, «последнему чуду святого Василия, который большую часть своей жизни не верил в Бога» [2]. Огромный труд проделали Шимон Маркиш и Ефим Эткинд при подготовке текста к печати по плёнке, вывезенной Войновичем.

Роман был издан впервые в Лозанне, в Швейцарии, в 1980 году. В России роман увидел свет в 1988 году, в период перестройки [6].

5. Повесть «Всё течёт»

Параллельно с романом «Жизнь и судьба» писалась другая книга – повесть «Всё течёт...» (1955-1963), впервые опубликованная на Западе в 1970 году [3], а в СССР – в 1989 году.

По словам Григория Свирского, в Москве воздвигнуто два Мавзолея Ленина. Один – на Красной площади – гранитная опора сталинщины. Второй – усыпальница великому злодейству. Он известен только читателям самиздата, и воздвиг его Василий Гроссман. Злодейство это – в быту скромное, почти человеческое. «Сюжетные ступени повести ведут его к вершине, откуда открываются кровавые горизонты» [3, с. 294].

Сюжет повести прост: из лагеря возвращается Иван Григорьевич. Прошло тридцать лет, он забыл о прошлой жизни, забыл, что на свете есть цветы.

Постепенно вырисовываются картины современной жизни. Показано советское чиновничество, затем – лжеучёные... Страх за свою карьеру, за свою шкуру, за паюсную икру – вот источники их идейной силы.

Следующая ступень – организованный Сталиным голод в 30-е годы и раскулачивание. Область спускала план – цифру кулаков, а сельсоветы составляли списки.

Голодные деревни начальство цинично называло «кладбищем суровой школы». *Кто дал приказ убить голодом крестьян? Неужели Сталин?* – спрашивали люди.

Вероятно, в мировой литературе нет столь ужасающих страниц. Из всего этого автор делает вывод: **режим, возникший под народными знамёнами, антинароден [3].**

Затем идут репрессии 37-го года, судебные процессы и т.д.

Гонения на учёных, антикосмополитическая кампания, врачи-убийцы, убийство Михоэлса – антисемитизм. Казалось, чёрный туман стоит над Москвой и заползает в человеческие сердца.

Умер Сталин, великий бог, идол 20-го века.

Деревню объяло чувство счастья, ликование охватило многомиллионное население лагерей.

В день похорон погибли тысячи. Ходынка померкла по сравнению с похоронами земного русского бога – сына сапожника из Гори, тирана всех времён и народов...

...Потом оказалось, что Михоэлс и врачи не виновны. Значит, предполагается другое, ещё более ужасное преступление. Думать страшно: преступники – руководители государства, тогда преступник – Сталин?!

И ещё выносится приговор главному виновнику зла, которое обрушилось на Россию, как океанское цунами на берег, смывая всё живое.

Впервые в советской литературе высказывается мысль, что основы бесчеловечного, репрессивного режима были заложены Лениным. В нём писатель увидел черты лидера нового мирового порядка.

Все его способности, его воля, страсть были подчинены одной цели – захвату власти. В нём – не только неумолимая жестокость, но и презрение к высшей святыне русской революции – свободе. Русская трагедия – ленинский синтез несвободы с социализмом.

«Всё течёт...» – приговор советскому строю. Этой повестью Гроссман ответил своим убийцам.

Рукопись повести «Всё течёт...» хранится в библиотеке Гарвардского университета.

6. Кончина писателя: «Собаки боятся и мёртвого льва»

Борьба за освобождение арестованного романа, борьба за возможность что-то напечатать требовала напряжения и отдачи всех духовных сил, и Гроссман не обратил внимания на боли – симптомы ракового заболевания. К специалистам обратился слишком поздно. Его не стало 15 сентября 1964 года, в годовщину расстрела евреев Бердичева, среди которых была и его мать.

Писателей в СССР хоронили по шести разрядам. Гроссмана хоронили по пятому, предпоследнему разряду, причём под охраной, словно он мог сбежать.

Через пять лет, в декабре 1969 года, был организован вечер памяти писателя, но его «засекретили», никого не оповестили. Многие писатели узнали об этом случайно. Вечер был в Малом зале клуба писателей. В тот же час в Большом зале клуба началось выступление лучших актёров СССР, певцов и комедиантов. Всё было сделано для того, чтобы отвлечь людей от Малого зала.

После невнятного выступления председателя «вечера памяти» К. Симонова слово взял генерал Ортенберг, главный редактор газеты «Красная звезда» во время войны. Он не обратил внимания на нервозность устроителей. С солдатской прямоотой он сказал, что Гроссман был до застенчивости скромен в быту и упорен в работе. Рассказал, как, вернувшись из Сталинграда, где побывал в окопах, он попросил два-три месяца, чтобы написать о пережитом. Это было неслыханно, на очерк корреспондентам давалось два-три часа. Но всё же он получил согласие редактора.

Так появились в 1942 году очерки под заглавием «Народ бессмертен», которые задали тон фронтовой литературе. Военные очерки принесли ему всероссийскую славу.

Возвеличивание Гроссмана отставным генералом вызвало лёгкую панику...

Были и жёлчные выступления «трупоедов», как их называли. Художник-карикатурист Борис Ефимов, сломленный, льстивый толстяк, воскликнул: «С Гроссманом невозможно было работать! Он не выносил ни единого слова лжи!...». Все над ним посмеялись [3, с.293].

Только в конце вечера к микрофону был допущен литературовед и критик Фёдор Левин (битый во всех погромах). Он сказал спокойно, что Василий Гроссман был надёжным другом, обаятельным, остроумнейшим человеком, душой компании. Только перед смертью он стал молчаливым и замкнутым. Левин напомнил, что есть решение Правления Союза писателей издать собрание сочинений Гроссмана. Однако его не публикуют. Живые отесняют мёртвых. Он обвёл всех своими мудрыми библейскими глазами и добавил: «Недаром говорится: собаки боятся и мёртвого льва» [3, с 294]. «Секретный» вечер памяти торопливо закрыли.

7. Писатели и критики о Гроссмане

«Этот роман – грандиозный труд, который едва ли назовёшь просто книгой, в сущности, это несколько романов в романе, произведение, у которого есть своя собственная история – одна в прошлом, другая – в будущем», – так писал Генрих Бёлль, известный немецкий писатель, о работе Гроссмана «Жизнь и судьба».

Писатель и переводчик Семён Липкин, самый близкий друг Василия Гроссмана, посвятил ему целое исследование [2], в котором подробно рассказал о жизни и творческом пути этой незаурядной личности, бесстрашного первооткрывателя пороков преступного режима.

Григорий Свирский в своём очерке [3] говорит, что в повести «Всё течёт...» Гроссман даёт характеристику российской действительности в условиях ленинско-сталинского режима.

В пророчествах Гоголя, Белинского, Чаадаева Россия – птица-тройка, перед которой расступаются все народы и государства. Тем не менее, Чаадаев гениально различил поразительную черту русской истории: постепенное закрепощение крестьянства.

Прогресс в своей основе есть прогресс человеческой свободы. Если развитие Запада определялось ростом свободы, то развитие России – ростом рабства. Гроссман приходит к выводу: русская душа – тысячелетняя раба.

Ленин, зная историю России, продолжал закрепощение народа. Сталин продолжал дело Ленина. И Гроссман предупреждал: русская трагедия – «ленинский синтез несвободы с социализмом» – может стать трагедией всемирной.

Публикации Гроссмана в Америке были известны ещё в военные годы. Когда роман «Жизнь и судьба» был издан в США, в печати появились отклики на роман, а в 1996 году была опубликована потрясающая книга-исследование о Гроссмане и его романе – “The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman”. Авторы – известные американские литературоведы John Gordon Garrand and Carol Garrand (Джон и Кэрол Гарранд) [8]. Авторы – известные американские литературоведы. Это самое обширное исследование жизни и творчества писателя – 464 страницы. В книге показана эволюция Гроссмана: еврей по национальности, советский патриот, один из лучших военных корреспондентов на службе Родины – он стал беспощадным обличителем советского строя. Своими произведениями он вооружил тех, кто восстал против советского режима в 1991 году. Гроссман, по словам авторов, показал корни трагического исторического явления – Холокоста, когда сообщниками нацистов были «простые советские люди», соседи. Нельзя, однако, забывать, что они также спасали евреев, но это было, скорее, исключением из правил.

Заслуга Гроссмана, считают Гарранды, в том, что он показал: «гитлеровская Германия и советский тоталитарный режим – зеркальное отображение один другого».

Источники

1. Василий Гроссман. Жизнь и судьба. L'AGE/D'Homme. Lausanne, Suisse, 1980.
2. Семён Липкин. Квадрига.– М.: Книжный сад, Аграф. 1997.
3. Григорий Свирский. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. Лондон. Новая литературная библиотека. 1979.
4. Ефим Эткинд. Двадцать лет спустя (вступительная статья к роману «Жизнь и судьба»). L'AGE/D'Homme. Lausanne, Suisse. 1980.
5. Л. Лазарев. Человек среди людей (о Василии Гроссмане). Вступительная статья к книге В.Гроссмана «Несколько печальных дней». – М.: Современник. 1989.
6. Шимон Маркиш. Трагедия или триумф Василия Гроссмана, или об универсальности рабства в двадцатом веке // Иерусалимский журнал. 2004. №18.
7. Борис Ямпольский. Последняя встреча с Василием Гроссманом // Континент. 1976. №8.
8. John Gordon Garrand & Carol Garrand. The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasily Grossman. – Simon & Schuster. 1996. 464 pp.